

ГОЛОВАНОВ Б. Д.

(доцент кафедры социологии и политологии Национального Технического Университета «Харьковский Политехнический Институт»)

ДИСКУРС КАК КОНСТРУКТИВНЫЙ ПРИНЦИП ПОСТМОДЕРНИЗМА

Статья посвящена одной из ключевых категорий постмодернизма «дискурсу». Эта категория в структуре постмодернизма замещает понятие «идеология» и претендует на роль конструктивного принципа философии постмодернизма. Исследуются различные интерпретации понятия дискурс, характерные для представителей философии постмодернизма.

Ключевые слова: дискурс, идеология, постмодернизм.

Голованов Б. Д. ДИСКУРС ЯК КОНСТРУКТИВНИЙ ПРИНЦИП ПОСТМОДЕРНІЗМУ
Стаття присвячена одній з ключових категорій постмодернізму «дискурсу». Ця категорія в структурі постмодернізму заміщає поняття «ідеологія» і претендує на роль конструктивного принципу філософії постмодернізму. Досліджуються різні інтерпретації поняття дискурс, характерні для представників філософії постмодернізму.

Ключові слова: дискурс, ідеологія, постмодернізм.

Golovanov B. D. DISCOURSE AS A CONSTRUCTIVE PRINCIPLE OF THE POSTMODERNISM
Article is devoted to one of the key categories of postmodern "discourse." This category is within the structure of postmodernism replaces the concept of "ideology" and claim to be the constructive principle of the philosophy of postmodernism. Explores different interpretations of the concept of discourse is typical for the representatives of the philosophy of postmodernism.

Key words: discourse, ideology, postmodernism.

Какими бы разными не были содержания, вкладываемые в понятие постмодерна, все они отрываются «от горизонта основных понятий, в котором формировалось самосознание и самопонимание европейского модерна» [7, С.10]. Не нужно быть особенно проницательным, чтобы предсказать крушение в эпоху постмодерна концепта идеологии, соединявшего содержание исторической эпохи революционных модернизаций с категориальным строем европейского мышления.

Постмодернизм как мировоззренческое течение представляет принципиальную трудность для научного познания, поскольку не приемлет точных определений, соглашаясь лишь на описание и интерпретации. Повсеместное присутствие признаков новой эпохи, как полагают постмодернисты, указывает на универсальность нового философского течения, на многозначность и трудноуловимость его природы.

Определенное согласие исследователей существует, пожалуй, только в отношении одной черты нового течения: философы-постмодернисты видят отличительную черту новой эпохи и своего способа мышления в изменении роли информации в процессе общественной жизни. Они полагают, что в новую эпоху акценты информационных процессов смещаются с когнитивной стороны на коммуникативную. Пользуясь словами Ф. Уэбстера, можно сказать: «Информация интересует их как система знаков и символов. Они пишут о быстром развитии средств массовой информации, гипнотическом воздействии этих средств, разнообразии медийных форм, видеозаписях и кабельном телевидении, рекламе и моде, об интересе к человеческому телу, тату и граффити. Они привлекают наше внимание к особенностям повседневной жизни, в которой мы окружены океаном знаков и символов...» [6, С. 310–311].

Постмодерн – это вызов эпохе модерна с ее стремлением подвести все разнообразие общественной жизни под модель современности. Модерн позиционировал себя как эпоху, упраздняющую традиционное общество и традиционные формы социальной жизни во имя современности. Постмодерн заявляет о себе как об альтернативной эпохе, упраздняющей само стремление быть современным. Под радикальную критику постмодернизма попадают не только политические идеологии, но и образующая мыслительную почву для разнообразных модернизационных проектов вся «современная» наука. Вопрос ставится таким образом: можно ли вообще использовать в отношении нового общества методы и язык современной науки?

Постмодернисты исходят из того, что новая эпоха задает новую эпистемологическую ситуацию. Все возрастающие объемы информации создают новые проблемы в социальной организации знания. Все новые типы социальной организации знания сталкиваются с фактом стремительного распространения «вторичного» знания, своего рода когнитивного “second hand”-а. Ученые, занимающиеся разработкой исследовательских программ, говорят об увеличении рисков утраты объективности не только в пылу политической борьбы, но и при осуществлении технических проектов, содержание которых далеко от политики. В современном информационном пространстве происходит утрата точек соприкосновения с «объективной реальностью», на которых держится достоверность научного знания. Вторичное знание означает такую эпистемологическую ситуацию в которой нарастает отчуждение между различными направлениями научных исследований, между разными отраслями научного знания. Одновременно увеличивается социальная дистанция между теми, кто проводит исследования и теми, кто пытается использовать результаты этих исследований в общественном производстве. Совершенно катастрофической становится пропасть между передовым краем науки и массовым сознанием, потеря «первичного» знания здесь зашла настолько далеко, что речь идет «не об опыте из вторых рук», а о невозможности получения опыта даже из вторых рук [1, С. 88].

Поскольку общественное сознание все больше теряет соприкосновение с объективной действительностью и замыкается в действительности массового восприятия, постольку в этих условиях становится бессмысленной эссенциалистская методология науки, которая предполагает поиск скрытых сущностных законов общественной жизни. Постмодернисты выступают против привычной для науки редукции наблюдаемых в обществе изменений к каким-то рациональным основаниям. Единственное спасение от эссенциалистской иллюзии

заключается в решительном разрыве с 300-летней традицией культивирования научной мысли.

Постмодернизм порывает с традициями Просвещения, в русле которых родился модернизационный стиль мышления, он отрицает саму идею построения «хорошего общества» на основе постулатов разума. Философы-модернисты были уверены, что у исторических изменений есть рациональные причины, как бы мы их не называли – национальными интересами, классовой борьбой, стремлением к чистоте расы или научно-техническим прогрессом. Обнаруживая политическую заангажированность различных социологических теорий, постмодернисты объявляют «войну тотальным учениям» и культивируют Стратегию Великого отказа [8, Р. 89]. С их точки зрения, любые попытки установить движущие силы истории «не заслуживают доверия вне зависимости от того, являются ли они чисто спекулятивными или рассказывают историю эмансипации» [8, Р. 37]. Постмодернисты указывают на тщетность усилий современной науки создать всеобщую теорию общества и предлагают от них решительно отказаться. Они полагают, что подозрительны любые попытки объяснить развитие общества из какого-либо одного основания, вообще подозрителен поиск оснований как принцип научного познания.

В работах постмодернистов понятие дискурса становится подходящей заменой понятию идеология, но это, как мы увидим позже, не освобождает реальную жизнь от идеологических явлений. Необходимость такой замены объясняется тем, что дискурс как понятие, точнее выражает специфику информационной эпохи, с его помощью лучше понимать конкретные манипулятивные практики. Новое исходное понятие подталкивает исследователей к разработке самых разнообразных вариантов методологии дискурсивного анализа, с помощью которых они пытаются переосмыслить глобальные идеологии эпохи модерна.

Наиболее полно методология дискурс-анализа представлена в работах известного британского ученого Ф. Лиотара, который проделал путь от левых убеждений и марксистской методологии до постмодернизма и дискурсивного анализа в духе неовитгенштейнианства. Исходный тезис его позиции заключается в утверждении, что в современном обществе информация все в большей степени выступает в качестве товара. В информационной сфере шлифуются механизмы, которые позволяют все точнее и точнее оценивать степень практической полезности той или иной информации. Способность информации выступать в качестве практически полезной он обозначил термином «перформативность». Слабо перформативные отрасли знания, такие как философия, теология и подобные, оказываются невостребованными и вытесняются на периферию общественных коммуникаций.

В перформативно ориентированном обществе истина определяется через понимание полезности. В эпоху доминирования полезности место истины занимает множество истин и отсутствует общепринятый способ выбора среди элементов этого множества. Поскольку групповые истины несоизмеримы гносеологически, постольку отношение между ними как ценностями устанавливается в конкуренции языковых игр. Вся динамику общественной жизни можно и следует рассматривать как ситуацию социального отбора языковых игр, характерных для той или иной социальной группы.

Все пространство дискурсивного мышления Ф. Лиотар изучает с точки зрения принципа эффективности, реализуемого в ходе конкуренции языковых игр. В конкурентной борьбе каждая языковая игра стремится к утверждению собственной правоты и

потенциальной действительности. Высокая конкурентноспособность достигается с помощью корпуса высказываний (метаправил), уточняющих и совершенствующих правила игры. Дискурсивные метаправила проясняют и уточняют такие аспекты игры, как потребность в повествовании, внутренняя стройность и непротиворечивость повествования, экспериментальная верифицируемость и др. Эти правила касаются не только построения денотативных высказываний и разделения их на ложные и истинные, они регулируют сам процесс коммуникации. Достижимый с помощью этих правил консенсус между участниками языковой игры позволяет им идентифицировать друг друга как собеседников, отличать свою игру от других игр и определять ее возможность.

Каждое высказывание, сделанное в ходе игры, можно рассматривать как действие «за» или «против» собственной языковой игры. Эта особенность делает такую игру проводником отношений власти в игровое сообщество. Участвуя в языковой игре, каждый из акторов либо конфликтует с другими участниками игры, либо солидаризируется с ними, и тем самым формирует социальное силовое пространство. Этот властный (силовой) аспект вводит дискурсивную деятельность в контекст социальных практик. Как полагает Ф. Лиотар, «...сам акт высказывания означает участие в производстве, воспроизводстве и преобразовании общественной жизни» [5, С. 33].

Появление властного аспекта в языковых играх вызывает противодействие господствующему языку, которое может быть усилено идеологически. Предшествующие постмодернизму социальные формации организовывались вокруг господствующей языковой игры, которая скрепляла формации и представляла себя как «естественную» форму социальной связи. Историческая миссия постмодернизма заключается в том, чтобы признать абсолютность разнообразия социального и научиться жить в мире такого разнообразия. Необходимо оставить попытки свести разнообразие к единому основанию и тем самым создать единый для всех языковых игр метадискурс. В решении этой задачи следует прежде всего отказаться от идеологии, от стремления организовать дискурсивное пространство в соответствии с большими нарративами. В переплетении языковых игр идеология может быть рассмотрена как разновидность господствующей языковой игры, которая маскирует условия своего порождения, а также стремится к упразднению плюрализма языковых игр методами социально-политического воздействия.

Идеологическими являются те языковые игры, которые претендуют на всеобщее принятие их самих в качестве выразителей всеобщих интересов, в качестве чего-то несомненного и априорно универсального. Такие претензии подкрепляются требованиями исключения, подавления, «терроризирования» любых других языковых игр, которые объявляются частными. Следует отметить, что Ф. Лиотар воздерживается от провозглашения «конца идеологии» и установления технократического консенсуса. Его критика идеологии лишь возвращает нас к «логике контекстуально обусловленного политеизма» [4, С. 370]. Согласно этой логике общество, полностью свободное от идеологического давления, невозможно, поскольку невозможна коммуникативная деятельность без стремления играть по правилам. Однако, это стремление можно не доводить до кристаллизации тотальных идеологий, если последовательно утверждать когнитивно-этический релятивизм и противодействовать усилению господствующего дискурса через социально-политические механизмы демократии. Всем тоталитарным стремлениям необходимо противопоставить

практику незавершенности консенсуса и препятствовать попыткам соизмерить нетождественные языковые игры.

Как полагает британский исследователь Дж. Кин, «В практическом смысле это означает, что постмодернизм ставит перед собой задачу покончить с господствующими языковыми играми, которые до сих пор цементировали общество и выдавали за «естественную» одну из многих форм социальных связей – форму, присущую модерну» [4, С. 367]. В содержательном смысле последовательный постмодернизм доводит деонтологизацию политики до логического конца. Он призывает покончить с языковыми играми, которые натурализуют формы социальной связи, характерные для эпохи модерна.

Выступая против натурализации социальных связей Ф. Лиотар движется в сторону релятивизации научного знания. Господство «вторичного» и «третичного» знания в условиях информационного взрыва делает научные знания все более безликими. Безликость научной информации обусловлена тем, что мотивы и условия первичных исследований становятся все более недоступными. Они теряются под слоем мотивов и условий тех, кто использует информацию о первичном опыте в собственных целях. В условиях господства вторичного знания критика идеологических установок политических противников не ведет к установлению истины, она не выявляет первичных интересов, стоящих за корпусом высказываний. Философский анализ политического дискурса попадает в ловушку собственной значимости, он начинает поиск того, что реально не существует в ситуации, порождающей эти высказывания. Ученый совершающий подобный анализ зачастую приписывает человеку из толпы более высокий уровень сознательности лишь потому, что последний воспроизводит чужие мысли.

В ситуации отчужденного знания главная задача дискурсивного анализа заключается в выяснении количественной стороны информационного сообщения, правильности или неправильности его дискурсионной структуры. Максимум, о чем заботится такой анализ заключается в ответе на вопрос: может ли знание-“second hand” обеспечить нормальное функционирование общественных институтов?

Если признать что в условиях господства вторичного знания объективное знание реальности становится практически невозможным, тогда становятся бессмысленными все концепции, истолковывающие идеологию как «ложное», «частичное», «мистифицированное» знание. Но одновременно теряют смысл и рассуждения об объективности научного знания. В условиях, когда индивидуальное сознание тонет в море вторичного и третичного знания, можно говорить лишь о различных процедурах верификации, устанавливающих оптимальность этого знания социокультурному контексту.

Широкую известность получила методология дискурс-анализа, представленная в работах Э. Лаклау и его соавтора Ш. Муффа. Эти авторы определяют дискурс как область, где формируются смыслы и значения. С их точки зрения дискурс – это процесс политически содержательный, в нем происходит изменение идей и символов, а также циркулируемых в обществе политических представлений, которые задают смысловой горизонт дискурсивного мышления. Упомянутые авторы акцентируют внимание на мировоззренческой функции дискурсивного процесса. В их видении дискурс становится исходной реальностью, доступной научному исследованию и осмыслению. Социальная реальность создается посредством дискурсов, которые представляют собой процессы, в рамках которых социальное взаимодействие приобретает определенное значение. Принятие дискурса как первичной

реальности, с которой имеет дело научное исследование, очерчивает пределы эссенциалистской методологии и редукции социальных процессов к закономерностям экономического, этнического и расового характера.

Э. Лаклау и Ш. Муфф стараются избежать лингвистически описательной интерпретации дискурсивного мышления и максимально сближают дискурсивные и недискурсивные практики. Они полагают, что подобные интерпретации в значительной мере изолируют дискурс-анализ от исследования мотивационной сферы социальных акторов. В отличие от Ф. Лиотара, эти авторы стараются ввести дискурсивное мышление в широкий социально-политический контекст. Следует отметить, что переход от теории дискурса к эмпирическому анализу политической реальности представляет серьезную проблему для новой методологии.

Путеводной звездой для методологической позиции указанных авторов становится концепция культурной гегемонии, предложенная в 1930-е годы итальянским коммунистом Антонио Грамши. Э. Лаклау и Ш. Муфф дают интерпретацию культурной гегемонии как ключевой дискурсивной практики, в их трактовке гегемония предстает как процесс расширения определенного политического дискурса, его превращения в доминирующий горизонт социальных установок. В дискурсивном пространстве важнейшими актами установления гегемонии являются артикуляции. Артикуляции выделяют доминирующие моменты дискурса и противопоставляют их остальным элементам дискурса – неартикулируемым означающим.

Дискурсивная гегемония создает реальность, которая не определяется окончательно и находится в постоянной динамике; доминирующий дискурс постоянно оспаривается контргегемонистскими дискурсами. В механизме установления дискурсивной гегемонии, согласно Э. Лаклау, ключевую роль играет так называемое «пустое означающее», которое освобождает пространство для порождения доминирующих смыслов. Поясняя смысл понятия «пустое означающее», Э. Лаклау прибегает к примеру, предложенному Блезом Паскалем и позднее использованному Бертраном Расселом. По мнению этих ученых, в математических системах, основанных на множестве натуральных чисел, исходный элемент системы определяется как 0, что буквально означает отсутствие даже самого маленького натурального числа 1. По факту отсутствия любого натурального числа 0 противопоставляется всему множеству натуральных чисел. Данное противопоставление наглядно видно на примере свойств нуля в математических операциях, имеются ввиду правила деления и умножения на ноль.

Превращение содержательного означающего в пустое означающее, освобождение его от первоначального смысла и наполнение новым смыслом, активирующим новую систему смыслопорождения, Э. Лаклау определяет как основной механизм дискурсивной практики. Опустошение и наполнение узловых точек (*point de captation* – точка пристежки, термин, предложенный французским психоаналитиком Жаком Лаканом) происходит в условиях наличия Другого, по отношению к которому выстраивается данная система смыслов. Это отношение Э. Лаклау рассматривает как отношение антагонизма, в котором наличие конфликта мешает доминирующей смысловой системе добиться состояния завершенности. В условиях антагонистического противостояния системе необходимо представить себя не только как имеющую значение по отношению к Другому, но и как позитивное

безотносительное содержание своих собственных элементов. В противном случае она утратит статус системы и превратится в элемент другой системы, описывающей ее.

Формирование позитивного содержания дискурсивной системы, безотносительное к Другому, происходит как переход отличительного сегмента системы в позицию узловой точки, сопровождающийся опустошением содержания и переосмыслением идентичности этого сегмента. Дальнейшую трансформацию смыслов системы Э. Лаклау определяет как механизм дислокации, т. е. артикуляцию новых значений и установление новых смысловых связей в системе.

Большое внимание постмодернисты уделяют роли дискурса во внутренней динамике человеческой ментальности. Одним из инициаторов такого рода исследований является словенский философ С. Жижек. Рассматривая идентичность конкретных ментальных конструкций, С. Жижек применяет характерные для дискурсивного анализа понятия «плавающие означающие» (floating significance) и «идеологическая пристежка» (point di capiton). Он дает собственную интерпретацию этих понятий в духе психоаналитической теории. С. Жижек подчеркивает, что когда мы говорим о «точке пристежки» как узловом пункте идеологических смыслов, то не следует иметь в виду, что слово, выступающее в этом качестве, концентрирует в себе всю полноту значений идеологического поля. Точка пристежки, – пишет С. Жижек, – «это скорее такое слово, которое именно как слово, на уровне самого означающего, унифицирует данное поле, задает его идентичность. Это такое слово, к которому сами «вещи» обращаются, чтобы уяснить себя в своей целостности» [3, С. 102].

Точка пристежки может задавать целостность идеологического видения, потому что ее значение не исчерпывается содержанием тех объектов, которые она обозначает. В этом качестве она обладает прибавочным значением и выступает как символ, возвышающийся над плоскостью означаемого. Парадокс критики той или иной идеологии заключается не в том, чтобы «обнаружить некий действительный объект, референт, поддерживающий единство и идентичность определенного идеологического опыта, – напротив, само это подведение под «чистое» означающее только и придает единство и идентичность нашему восприятию исторической действительности» [3, С. 103]. Главное в анализе той или иной идеологической доктрины – выявить за бесконечностью универсалий, скрепляющих данное идеологическое поле, «самореференциальную, тавтологическую, перформативную процедуру» [3, С. 105].

Обобщая наш обзор современных стратегий в изучении идеологии и идеологических явлений, можно сказать, что «постмодерн» есть новое качество европейской цивилизации, когда основные возможности модерна Нового времени представляются исчерпанными. Проект модерна основан на разложении традиционного общества, на «героической борьбе с традиционным обществом» [2, С. 467]. В этой борьбе представители модернизма выработали систему критериев, среди которых ведущую роль играют рационализм, и вера в бесконечный социальный прогресс. Реализация модерна – это победа рациональной отрицательности, окончательное разложение традиционной социальности и деонтологизация коллективных представлений.

Как полагают постмодернисты, после завершения проекта модерна трактовка идеологии как ложного сознания полностью теряет смысл, поскольку этому сознанию не противостоит какая-либо реальность, а движущая его рефлексия, не порождает какую-либо онтологию. Последовательная десакрализация политики, характерная для модерна, приводит

к тому, что индивидуальное сознание лишенное сакральных идентификаций, перестает быть свидетелем подлинного, «божественного» бытия и обрекается на бесконечное «феноменологическое» блуждание. Это блуждание поддерживается тотальной виртуализацией общественной жизни, начиная с виртуальной эстетизации и виртуального наслаждения и заканчивая появлением виртуальной экономики. В виртуальной жизни идеологии нет нужды формировать ложные представления о реальности, она оставлена лишь для того, чтобы скрывать отсутствие реальности, непрерывно создавая ее видимость.

Деонтологизация коллективных представлений получает адекватную основу в средствах массовой коммуникации. В пространстве СМИ политика становится виртуально существующей, то, что не показано на экране, не существует как общественное событие. С этого момента наука уже не решает, что есть факт, а что таковым не является, ибо последнее слово принадлежит медиократии.

В плоскости экрана нивелируется дистанция между означаемым и означающим. Ряды означающих и означаемых перемешиваются, виртуализированная политика становится договоренностью, подобно торговой сделке, условия которой можно пересмотреть. Такая политика все более смещается в сторону автономизации знака и трансформируется в постполитику.

В условиях господства медиократии многие технологии, появившиеся ради экономических целей, массово начинают использоваться для интенсификации коммуникационных игр. Все идеологические явления постмодернизма рассматривает с точки зрения теории игр и взаимодействия политических дискурсов. В постполитике любая ценность произвольна, она постулируется сингулярностью в спонтанном режиме и таким же образом аннулируется. Ценность по своей природе не коммуникативна, а попытки придать ей онтологический статус и коммуницировать ее Другому есть не что иное, как проявление воли к власти.

Тем не менее, исследователи духовной ситуации постмодерна оставили идеологии шанс выжить даже после провозглашения ее смерти, поскольку в мире гиперреальности сама смерть превращается в симулякр. Устойчивость гиперреальности предполагает определенное невежество в отношении процедуры замыкания символического ряда со стороны участников совместной деятельности. Идеология в качестве симулякра не только замыкает пространство политических дискурсов, но делает это так, что само замыкание ускользает от «зрителя». Ему кажется, что он открыт для нового, тогда как эта новизна – всего лишь бесконечное *déjà vu*, гарантированное короткой памятью обывателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. – М., 2000.
2. Дугин А. Г. Философия политики. – М., 2004.
3. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М., 1999.
4. Кин Дж. Демократия и гражданское общество. – М., 2001.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М., 1998.
6. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М., 2004.
7. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М., 2003.
8. Lyotar J.-F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. – Manchester, 1984.

